

Лариса Черногорец

12+

Я люблю Вас, Ваша Светлость!

Лариса Черногорец

Я люблю Вас, Ваша Светлость!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42354765

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-10358-0

Аннотация

Выжить в авиакатастрофе. Невероятно и практически невозможно. Почти так же как найти свою единственную любовь в чужой стране, без поддержки родных, без средств к существованию, и даже... без памяти. Именно это пришлось пережить иностранке, потомственной дворянке, девушке с сильной волей и храбрым сердцем.

Эллина самолеты не любила. Все что угодно – только не самолет. И хотя с детства она летала практически ежегодно, все равно каждый раз в аэропорт ехала как на плаху. Противный гул набирающих обороты двигателей, специфический запах в салоне, перепад давления при взлете – уши закладывает. А уж ощущение желудка в глотке при посадке – удовольствие еще то. Плюс вечный страх, что самолет упадет и разобьется в лепешку! Почему-то она всегда этого дико боялась. Поэтому, когда ее тетка Мери принесла приглашение в серебристом конверте, в котором черным по белому было написано, что ей надлежит явиться в Российское Дворянское Собрание для личного получения свидетельства действительного его члена, Эллине стало тревожно. Она мысленно выругала себя за всю эту кутерьму с признанием ее дворянского статуса – проклятое тщеславие. Разве недостаточно было фамильных документов, фото и целого сундука всякой всячины, оставшейся от их знаменитого рода, начиная от драгоценностей и заканчивая прапрадедовским контр-адмиральским мундиром. Нет! Надо было получить признание всей современной русской элиты. Дались ей эти русские! Зов крови. Адвокаты, архивариусы, куча формальностей – все доказательства и документы были собраны по доверенности и без ее участия, но свидетельство нужно было получить лично.

Дождливый сентябрь хмурился тучами. Эллина прибыла в аэропорт за час до посадки, и была почти последней

в очереди на регистрацию. Рамка металлоискателя запищала. Пришлось вынуть все из карманов и вернуться. Снова резкий звук рамки. Контролер забеспокоился и предложил ей пройти в комнату для досмотра. Очередь позади нее облегченно вздохнула, Эллина же наоборот внутренне напряглась. Угораздило же её надеть дурацкий комбинезон на лямках, теперь наверняка заставят раздеваться, а это целое дело. И вдруг она опоздает на свой рейс.

Упитанная темнокожая дама в форме тщательно осмотрела ее одежду и сумочку с ручной кладью.

– Все в порядке. Можете проходить.

– Спасибо.

– Удачного полета.

Эллина последняя вошла в зал регистрации и потом уже почти бежала на посадку. Самолет ждал только ее.

Улыбка стюардессы, загоревшаяся надпись на табло «FASTEN SAFETY BELTS!», тот самый противный звук турбин. Все. Самолет в воздухе. Виски со льдом. Можно расслабиться – прямой рейс, Нью-Йорк – Москва, впереди десять часов лёта. Она сделала большой глоток обжигающей янтарной жидкости и закрыла глаза.

Скоро она, Эллина Константиновна Истомина, станет действительным членом российского дворянского собрания. И пусть она никогда не видела исторической родины своих предков, все равно, всю жизнь считала себя русской. Три поколения Истоминых сменилось на этой земле. Три континен-

та – Европа, Австралия, Америка... судьба бросала ее эмигрировавшую родню из огня да в полымя. Но все три поколения сохраняли семейные реликвии, семейную историю и княжеский аристократизм. Она улыбнулась. Русская аристократка Эллина Истомина, праправнучка знаменитого князя Владимира Истомина, полководца, контр-адмирала! Звучит. Теперь ей с гордостью предстоит продемонстрировать все, чему ее учили мама, бабушка и тетка Мери – все потомственные русские дворянки, правда не столь родовитые, как предки по мужской линии. Много, так много ими было в нее вложено. Она не ударит в грязь лицом. Русский язык был для нее родным с детства, этикет был изучен досконально. Ну а искусствоведческий факультет за спиной поможет заткнуть за пояс любого зазнайку. Эллина заснула под мерный гул двигателей. Ей снилось, что она фотографируется с русским президентом на фоне Кремля. Только тот почему-то был в меховой шапке-ушанке, без зубов, с подбитым глазом и бутылкой водки в руке.

Внезапно заголосила табличка «Attention». Эллина очнулась. Сколько прошло времени? Она проспала почти весь полет. Сейчас должна быть посадка.

Стюардесса с натянутой улыбкой попросила пристегнуться. Самолет вдруг затрясло:

– Прошу сохранять спокойствие, мы попали в зону турбулентности.

Салон вдруг резко накренился. Тряска стала такой силь-

ной, что Эллина завопила:

– Мама!

Стюардесса попыталась подойти к ней поближе, но очередной прыжок самолета опрокинул ее на пол. Ударившись виском о край откинутого столика, девушка замерла без движения. Самолет вдруг провалился в воздушную яму и стал резко падать. Ужас парализовал Эллину, она не могла кричать, казалось, падение было вечным, потом их вновь затрясло, и машина стала набирать высоту. Машинально она отстегнула ремень сидения. Сверху на голову ей упала кислородная маска. Она вцепилась в силиконовую воронку, и судорожно вдохнула, не потому, что нечем было дышать, а потому что надо было во что-то вцепиться. Раздался треск где-то сверху. Эллина подняла голову – прямо над ней разверзалась огромная трещина. Сквозь дыру свинцовым зрачком глядело небо. Больше не было слышно криков, был только дикий гул, и она неслась куда-то вниз, вместе со всеми, с бешеной скоростью. «Только бы не почувствовать боли!» – последней мыслью мелькнуло в ее голове, перед тем как что-то обрушилось, и она потеряла сознание.

Как думаешь, Петрович, очухается она? – Низкий мужской голос спрашивал у кого-то.

– На вид крепкая, Александр Иванович, должна. Переломов нет, вот, голова пострадала здорово. – Отвечал голос повыше и как будто постарше.

– Ага, синяк вон, вместо физиономии.

– И на темени две огромные шишки. Не поймешь, где темя, а где шишка.

– Как будто чудище двухголовое. Сколько ей лет, как думаешь?

– По лицу сейчас трудно определить, а вот по фигуре и по состоянию организма лет двадцать пять – тридцать. Александр Иванович, может, все-таки вызовем скорую и отправим ее в больницу?

– Опасно. Поднимется шумиха. Будет огласка. Кто сможет гарантировать жизнь женщины, которую убивали и не добились. Те, кто ее убивал, обязательно закончат свое дело. Найдут и добьют. Пусть здесь отлежится.

– А тогда в полицию?

– А кто знает, не полиция ли это так порезвилась. Пусть придет в себя, расскажет, что с ней произошло, вот тогда и подумаем, что с ней делать дальше.

– Ваша правда.

Она очнулась от этого, всплывающего в ее сознании диалога и попыталась пошевелиться, открыть глаза, которые почему-то слиплись и не открывались. Свет, едва попадавший сквозь распухшие веки, казался ярко-красным. Боль пронзила голову, затошнило, и она застонала.

– О, смотрите Александр Иванович, смотрите. Таки в себя пришла!

Она попыталась приподняться на кровати и закашлялась.

– С возвращением с того света, милочка!

– Милочка? Я... я не Мила. Я... она с ужасом поняла, что вообще-то не знает кто она.

– А кто же вы?

– Я... я не знаю.

– Ну что я Вам говорил! Голова пострадала сильнее всего. Амнезия у нее, голубчик!

– Вот черт! – Кто-то выругался. – Этого мне еще не хватало. И что, она не вспомнит никогда?

– Возможно, что нет, а возможно, что и да. Голова – предмет темный, помнишь как в том фильме...

– О-о-ой! – Ее замутило.

– Тошнит, милочка? – Участливо спросил голос постарше.

– Да-а-а. О-о-ой!

– Сотрясение. Нужен полный покой. Сейчас я поставлю укол, и вы будете спать. А я тем временем положу на лицо свинцовую примочку. Думаю, завтра глаза ваши уже откроются.

– Где я? Что со мной? Кто я?

– Ого, сколько вопросов сразу! – Пробасил низкий голос. – Вы у меня в доме. Что с вами случилось непонятно – думаю, вас избили и ограбили, я нашел вас в лесу, висящую на сосне, на лямках от вашего комбинезона, в полутора метрах от земли. Поиздевались изверги. Ну а кто вы, это бы и мне хотелось знать. Документов и денег при вас не было.

– Потерпите, сейчас будет немного больно. Промурлыкал

участливый.

Она почувствовала укол, но голова гудела так, что он показался ей совсем безболезненным. Ей было очень плохо. Такое состояние можно было бы назвать «ушиб всей бабушки», но самым гадким было ощущение беспамятства. Это было дикой душевной мукой силиться вспомнить хотя бы собственное имя.

–Поспите. Утром станет немного легче. Я пропишу обезболивающее. Возможно, скоро вы все вспомните.

– Спасибо. Мне не надо все, мне хотя бы вспомнить, кто я и как меня зовут.

Она уснула почти мгновенно. Неглубокий больной сон рисовал картины каких-то кошмаров, казалось, что она металась в этих кошмарах целую вечность, но, когда очнулась, была глубокая ночь. На ее лице был мокрый компресс. Она сняла повязку и открыла глаза. Ей это удалось – примочка действительно помогла. Вокруг была крошечная темнота, только где-то сбоку, сквозь плотные занавески пробивался желтый луч ночного фонаря. Во избежание приступа тошноты и головной боли она постаралась не шевелиться. Надо привести мысли в порядок. Кто же она? Что с ней случилось? Почему она здесь? Мучительно пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь, она стала перебирать в памяти знакомые женские имена. На ум шли то Анна и Александра, то почему-то Джейн, то Мари. Нет, так ничего не получится. Как ужасно не помнить о себе вообще ничего. При этом со-

вершенно ясно в понимании сохранилось то, что у человека должна быть родина, семья, детство, профессия, в конце концов. Ничего из этого ей в память не приходило. Как будто она вообще до этого не жила. Но ведь должно же быть хоть что-то, что она помнит или умеет. Спина ее затекла и она, попытавшись перевернуться на бок, застонала.

– Что с вами, вам плохо?

– Кто здесь?

– Зажглась лампа ночника, и пришлось зажмуриться.

– Ух, как гляну на вас, так сердце занимается. Это ж надо такой красавицей стать! Я это, спаситель ваш. – Она слышала тот самый низкий мужской голос.

Через силу попыталась приоткрыть один глаз. Зрение было мутным, но можно было увидеть в полумраке, что на нее с иронией глядел молодой красивый мужчина. Темноволосый, статный, с ямочкой на подбородке.

– Что вы здесь делаете?

– Дежурю, как видите.

– Зачем?

– Дурацкий вопрос. Вы в моем доме, избиты до полусмерти не пойми кем, вся в синяках и переломах, да мало ли что с вами может случиться. А прислуги у меня нет, извините. И сиделку нанимать сейчас не с руки.

– Простите.

– Да что уж там. Я вот, нашел в вашем изодранном комбинезоне. Очевидно, ваших мучителей это не заинтересовало.

Он протянул измятую карточку. С трудом она разглядела на ней пожилую женщину в пальто и шляпке.

– Кто это?

– Вы у меня спрашиваете? Это все что при вас было. Я думал, вы вспомните, когда посмотрите.

– Нет, не помню. – Ее голова устало опустилась на подушку.

– Ну не беда. Еще вспомните. Главное не то что изображено на ней, а то, что написано сзади.

– А что там написано?

– Вы и читать разучились?

– Я... я не знаю, я просто сфокусироваться не могу – все размыто и расплывчато так.

– Ну, я вам прочитаю. Здесь написано: «Элечке от бабушки, на долгую память 2005 Монреаль».

– Вы полагаете, это моя бабушка?

– Вот уж точно не моя. Это было в нагрудном кармане вашего комбинезона. А если рассуждать логически никакой нормальный человек не станет носить у сердца фотографию чужой бабушки.

– Значит...

– Значит вы не Милочка, хотя, признаться, глядя на вас, я бы предпочел именно Милочку, а Элечка. И у вас была, или может даже до сих пор есть бабушка. Видите, какой насыщенный для вас день!

– Элечка...Эля. Это от Эльвира, или от Элла?

– Да какая разница. Теперь мы знаем, кто вы и можем обратиться в полицию с запросом, не разыскивает ли кто синелищную красавицу с двумя затылками по имени Эля.

До нее только сейчас дошло, что он над ней издевается. «Красавица»! Что с ней! Что с ее лицом? Как она выглядит?

– Что со мной? Дайте мне, пожалуйста, зеркало!

– А хронические сердечные заболевания у вас есть? Недостаточность митрального клапана? Мерцательная аритмия?

– Не знаю – опешила она.

– Ну, так вот и нечего тогда зеркало просить. Вас кондрат хватит, а мне потом отвечай.

– Боже – она разрыдалась, – я уродина?!

– Да где там. Вы монстр просто. Но могу утешить, это временно – последствия перелома переносицы и ушиба головы. Отек лица как следствие. Пройдет. Не плачьте, ненавижу бабье нытьё. Радуйтесь, что хоть имя мы ваше знаем. Мне пора – у меня хозяйство, а сейчас почти пять утра. А вы отдыхайте.

Он вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Эля. Ее зовут Эля. Ну и ладно. Теперь хоть о самой себе можно будет думать не в обезличенном варианте. У ее неизвестного я появилось вполне конкретное имя.

Ночь была позади. Если бы не эта дурацкая головная боль! Свет из окна, хоть и не был очень ярким, резал глаза. Она снова пыталась привести в порядок свои мысли, вернее то,

что от них осталось. Итак, ее почти наверняка зовут Эля, она не помнит ничего о себе, находится в доме у незнакомца, и она – уродина. Хочется в туалет. Надо попытаться встать. Ноги послушались и свесились с кровати на пол. Рука уперлась в подушку и подняла свинцовое тело. Голова дико закружилась и Эля рухнула обратно на постель. Нет. Так дело не пойдет. Надо попробовать еще раз и не так резко. Иначе под ней будет лужа. Медленно и осторожно она приподняла голову и постаралась зафиксировать взгляд. Небольшая светлая комната, спальня, по-видимому. Обстановка простая, даже где-то аскетичная. Деревянный стул из прошлого века. Прикроватная тумба с ночником, рядом кресло. На полу чистая зеленая дорожка, тапочки с помпонами... утка. Больничная утка. Нет. Только не это. Стыдобища. Надо как-то встать и доползти до туалета. Она приподнялась и аккуратно спустила ноги с кровати. Головокружение прекращалось, как только она фиксировала взгляд на чем-то одном. Эля схватилась за стул и поднялась на ноги. Комната поплыла. Ее затошнило. Нечеловеческим усилием она заставила себя сделать шаг. Потом, опираясь на стул, еще шаг. Вот дверь, за ней коридор, вот еще дверь. Бинго! Заветный туалет. Слава Богу, она не опозорится.

Облегченно вздохнув от успеха выполненной миссии, опираясь на стул впереди себя, она направилась назад в постель. Взгляд ее упал на рамку с фотографией, висевшей на стене. Красавец-брюнет и нежная блондинка с влажными

ми полными губами и ямочками на щеках счастливо улыбались. За их спиной зеленели деревья. Наверное, это и есть ее ночной сторож и его жена. Александр Иванович, кажется. Александр. Характер еще тот. Но! Он показался ей писанным красавцем в свете ночника. Южнославянский тип. Про таких говорят: «порода сказывается». Теперь, при дневном свете, на фото было видно – он действительно чрезвычайно хорош собой. Стройный, темноглазый, подбородок волевой, с ямочкой, атлетическое сложение. Наверное, занимается спортом. Рядом была еще одна дверь. Она толкнула ее – это ванная комната. Ого! Здесь все не так аскетично, как в спальне. Джакузи, душевая кабина, раковина с зеркалом. О Боже! В следующую минуту она увидела нечто отвратительное, сине-черное, отекавшее, с перебинтованным неровным черепом. Из-под повязки свисали кровавые космы. Голова закружилась и наступила тьма.

– Да что ж такое-то. Вам кто вставать разрешил!

Эля открыла глаза. На нее с горечью смотрел пожилой мужчина с седыми усами и блестящей лысиной.

– Вы зачем встали с постели?!

– Мне нужно было в туалет.

– А утка на что. Я ж специально принес из больницы, оставил вам. Ну что вы, ей богу, как малое дитя. У вас сотрясение мозга. Ваш нос сломан. Вам не то, что ходить – сидеть надо с посторонней помощью.

– Вы кто?

– Я – доктор. Вадим Петрович Кошечкин. Работаю в поселковой больнице травматологом и терапевтом. – Он помолчал. – Да и всеми остальными врачами тоже приходится работать. Как вы себя чувствуете?

– Уже лучше. Вот, только голова болит и кружится.

– Ну, это еще минимум две недели как будет и болеть, и кружиться.

– Так что, мне еще две недели тут лежать?

– А вам есть куда спешить?

– Я... мне... я не знаю. Может быть... мне так кажется.

– У вас амнезия, милая моя, пока вы не вспомните кто вы, вам лучше побыть здесь, под моим присмотром и под опекой Александра Ивановича.

– Кто этот Александр Иванович?

– О! Это необыкновенный человек. Кем он только не был в своей жизни. И матросом на корабле, и бизнесменом в Москве, теперь вот открыл у нас в поселке свое дело – земли распахал, засеял. Ферму построил. Людям дал работу. Фермер он.

– А, по-моему, он просто грубиян.

– Не судите о человеке по первому впечатлению. Ему просто нелегко пришлось последние два года. Потерял отца и мать, следом жену и друга сразу.

– Умерли?

– Родители – да, а друг лучший, с которым они всю жизнь

вместе, бросил его в трудный момент. Бизнес заложил, деньги из дела забрал, уехал в Европу, а заодно жену его с собой прихватил. В общем, история достаточно темная и неприятная. Он только пару месяцев, как из долгов выбрался. А тут вы свалились ему точно с неба на голову. Понять надо парня.

– Да уж. Я бы сама была в ужасе, если бы в моем доме жил такой монстр. – Она разрыдалась.

– Стоп. Стоп! Никаких слез. Сейчас нам нужны только положительные эмоции. Допустим, ваша рана уже почти затянулась. Через пару недель повязку и вовсе можно будет снять, а от вашего отека и синяков к тому времени и следа не останется. Придется, правда, поносить вот это недельку.

Он протянул ей маску с завязками, сшитую из нескольких слоев марли.

– Вот в этом растворе, – он кивнул на большую пластиковую бутылку, – будете смачивать это чудо-произведение моей супруги, затем отжать и на лицо. И так все две недели. Смачивать в растворе утром и вечером. И сами не будете пугаться, и Александр Иванович не скажет ничего. На язык он остр, это точно. Ну да, зато сердце у него доброе.

– Спасибо Вам.

– Да не на чем. А вы что, так ничего и не вспомнили? Эля покачала головой.

– Нет. Ничего, совсем ничего. Чистый лист.

– Вспомните. Обязательно вспомните. Главное верить! И

сама больше ни шагу с постели. Мне пора. Я просто зашел вас проводить.

– Это комната хозяина?

– Это комната его матери.

– Доктор!

– Да?

– Мне очень тяжело дышать. Повязка на ребрах очень тугая. Можно ослабить?

– Даже не думайте. Переломы ребер – это вам не фунт изюма. Снимем в лучшем случае через три недели. И не вставать! Категорически!

– Угу. – Буркнула она, а про себя подумала: «Как же, сейчас...».

Доктор вышел. Эля думала о хозяине дома. Красивый какой. Как жена могла променять его на другого? Непонятно. Добрый. Еще бы. Спас ее – это уже что-то значит. Положил в комнату матери. Это тоже не просто так. Вот язык его... ну да ничего, она потерпит. Каких-то две-три недели. Потерпит.

Потекли скучные дни в ожидании свободы. В ее жизни почти ничего не менялось. Эля просыпалась рано утром, хозяина дома уже не было, а на тумбочке ее ждала кружка теплого молока и конфеты. Потом приходил доктор, менял ей повязку на голове, осматривал, давал рекомендации, болтал с ней о всякой всячине, поил теплым бульоном. Очень позд-

но вечером возвращался Александр, уставший, невеселый. Одаривал ее колючим взглядом, ставил на тумбочку нехитрый ужин и уходил к себе, в лучшем случае сопроводив свое появление колкой остротой, а то и не перебросившись даже парой слов со своей гостьей. Эля просыпалась и засыпала с мыслью, что вот-вот она вспомнит кто она, за ней придут, ее заберут. Она впадала в отчаяние, все время пытаясь вспомнить хоть что-то из своей прошлой жизни, но ничего не выходило. Примочки, лекарства, сон. Она выполняла все рекомендации доктора, много спала, и поэтому, как ей казалось, быстро шла на поправку, но в минуты бодрствования ей страшно не хватало общения. Доктор Кошечкин был ее отдушиной. Интеллигентный, добрый, веселый. Про таких людей принято говорить «старой закалки». Он как мог, старался ее подбодрить, немного рассказывал ей о хозяине дома, беседовал с ней на разные темы, пытаясь вызвать хоть какие-то воспоминания. Но и он тоже был вечно занят и убегал к пациентам, оставляя Элю наедине со своими мыслями. И вот, наконец, настал тот день, когда была снята тугая повязка с ее ребер и шлем из бинтов с ее головы.

– Я официально разрешаю вам вставать и расхаживаться потихоньку. – Кошечкин улыбался. Он был доволен собой и своими успехами в лечении такой безнадежной пациентки.

– А помыться? Я могу, наконец, помыться?

– Безусловно. Вам это очень поможет. Рана на голове затянулась совершенно.

Эля встала.

– Голова не кружится?

– Нет, доктор, не кружится.

– Отлично! Вы почти здоровы. Вам только нужно восстановить физическую форму, ведь вы лежали почти целый месяц.

– Больше всего на свете я хочу принять ванну.

– Я помогу вам.

– Нет, нет, я сама! – Эля была смущена.

– Что вы, что вы, не смущайтесь, я только наберу теплой воды, мыть вас никто не собирается. Вы достаточно здоровы для того чтобы самой привести себя в порядок. То-то Александр Иванович удивится!

– Александр Иванович... – Эля подумала о хозяине дома с нахлынувшей вдруг нежностью. Суровый, неразговорчивый, но всегда заботившийся о ней. Каким бы ни был уставшим, он всегда находил силы для ухода за ней, а первую неделю просто ночевал в кресле у ее постели.

Доктор ушел, а Эля с наслаждением погрузилась в теплую пенную воду. Как приятно было почувствовать себя человеком. Чистым человеком. Она подняла глаза на стену. Там раньше висело зеркало. Хозяин дома снял его в тот вечер, когда она упала в обморок, увидев в зеркале свое отражение. И хотя ей категорически было запрещено ходить, она все-таки делала это, но всегда только прямым путем до туалета и обратно. Ей было страшно неловко пользоваться уткой. Ни-

какие выволочки от доктора ее не пугали. Зато теперь ей можно было все.

Эля обернула отмытые начисто от запекшейся крови и зелени волосы полотенцем и закуталась в махровый мужской халат, висевший на крючке в ванной. Ощущение чистоты и блаженства. И любопытство, сильнейшее из чувств, особенно для человека без прошлого. Она вышла из ванной и остановилась. Куда же ей пойти? Начнем по порядку. Она толкнула первую попавшуюся ей на пути дверь. Гостиная. Красиво! Мебель под старину. Пушистый ковер на полу. Плазма во всю стену. На всем толстый слой пыли. Он здесь просто не бывает. Эля закрыла дверь и пошла дальше по коридору. Еще одна дверь. О! Это его комната. Вернее сказать, берлога. Берлога холостяка. Когда-то это была их с женой спальня, несомненно. Обставлена и украшена со вкусом. Но беспорядок! Кучи наваленных вещей на стульях, бедлам редкостный. Ее взгляд вдруг оживился. Зеркало! Она закрыла глаза и сделала шаг к нему, сняв с головы полотенце. Страшно. Сейчас она увидит себя. И может быть вспомнит кто она. И больше не будет никакой тайны... Эля медленно открыла глаза. Из зеркала на нее смотрела незнакомая молодая русоволосая женщина. Глаза, правда, выразительные, а в остальном... нос как нос, губы как губы. Брови дугой. Черты лица тонкие, кость узкая. Грудь невелика, зато талия тонкая. Аристократка, поди. Она поймала себя на мысли, что сама с собой обсуждает свое же отражение, так, будто чужого чело-

века. И никаких воспоминаний. Как будто это вовсе не она. Она себя не узнала и не вспомнила.

– Не узнала и не вспомнила. – Словно повторив ее мысли, раздался низкий голос за спиной.

Эля обернулась. На пороге комнаты стоял Александр.

– Вы?

– Ну, вообще-то это моя комната. Простите за беспорядок.

– Это...это вы меня простите! Я не должна была сюда входить. Вы так рано сегодня.

– Дождь на улице. В поле работы закончены, а на ферму мне только вечером. Доктор сказал, что дома меня ждет сюрприз. Вот уж воистину.

– Сюрприз?

– Приятно видеть в своем халате вместо синеголового косматого чудища красивую женщину. – Ей стало неловко под его взглядом. Он больше не был колючим. В нем сквозил интерес, и даже восхищение.

– Простите за халат. – Эля решила деликатно не обижаться на синеголового чудище. – Просто мне совершенно нечего надеть.

– Я болван. Как я не подумал об этом! Какой у вас размер одежды и обуви?

«Он и правда болван», – подумала Эля. – «Откуда я знаю!» Но вслух произнесла только вежливое «Не помню, простите».

Александр подошел поближе. Она смотрела на него снизу-вверх. Он окинул ее оценивающим взглядом.

– Наверное, сорок шестой.

– Что сорок шестой?

– Размер у вас сорок шестой. Размер одежды. Присядьте, пожалуйста.

– Зачем?

–Присядьте, присядьте.

Эля, молча, повиновалась. Он взял в руки ее ступню и примерил к своей ладони.

– Как у ребенка. Надо же. Ровно с мою ладонь.

Его руки были теплыми. Ее словно пронзило током от его прикосновения. Он, будто почувствовав что-то похожее, резко встал и направился к выходу.

– Куда вы, Александр Иванович?

–В город. Не скучайте. Я скоро. Если вам разрешил доктор, можете посмотреть телевизор. Там газеты на столике в гостиной, почитайте.

Он вышел, захлопнув за собой дверь дома. Эля вернулась в гостиную. На журнальном столике лежала стопка газет. Не развернутые и не прочитанные. Ему просто некогда. Она вытащила первую попавшуюся газету из стопки и развернула ее. На первой странице во весь лист было огромное фото разбившегося авиалайнера. Как страшно, подумала она. Вдруг в памяти возникла силиконовая воронка кислородной маски. Вынырнула внезапно откуда-то сверху и запрыгала перед

глазами. Вспомнилось ощущение ужаса и вкус крови на губах. Эля встряхнула головой и совершенно точно поняла – это ее первое воспоминание за последние три недели. Она определенно летала на самолете. И определенно видела эту кислородную маску. Она вскочила и кинулась к окну. Ее переполняли эмоции. Она вспомнила! Пусть совсем немного, но вспомнила! За окном шел дождь. Вокруг простиралось бескрайнее поле, вдалеке виднелось здание фермы. Перед домом красовалась зеленая лужайка газона, высокого, давно не стриженного. Ей вдруг до смерти захотелось вдохнуть свежего воздуха. Эля прошла к входной двери и, открыв ее, стала на пороге. Холодный осенний воздух обжег ее легкие. Голова закружилась. Огромная серая тень кинулась на нее откуда-то сбоку, с каким – то жутким рыком. Эля отшатнулась и упала, потеряв сознание.

– Зачем же вы вышли?! Пират! Пошел отсюда! Он напугал вас!

Эля открыла глаза. Спустились густые сумерки. Вокруг дома горели фонари уличного освещения. Александр держал ее на руках. Рядом радостно подпрыгивал огромный лохматый серый пес.

– Что это было?

– Вы зачем на улицу вышли. Месяц пробыть в постели, первый день на ногах, слабая еще совсем! Сколько же вы провалялись на холоде, на пороге? Нам еще пневмонии не

хватало! – Он внес ее в дом и уложил на кровать.

– Не сердитесь, прошу вас, я не нарочно. Я только хотела подышать свежим воздухом. Вышла, и тут на меня что-то кинулось...

– Это Пират. Собака моя. Я его еще с Галапагос привез, когда служил на флоте. Он старичок совсем. Ему скоро пятнадцать лет. – Он накрыл ее пледом и включил лампу ночника. В его глазах была тревога. – Речь у вас какая-то странная, ей богу. Как будто вы воспитывались в институте благородных девиц. «Не сердитесь», «Не нарочно».

– Я не знаю, где я воспитывалась, но я сегодня вспомнила кое-что.

Он посмотрел на нее с интересом:

– И что же?

– Газета. У вас на журнальном столике была газета. Там было написано об авиакатастрофе.

Александр принес стопку газет. Эля выбрала ту, в которой было фото авиалайнера:

– Вот, смотрите, смотрите!

– Вы вспомнили? Вспомнили что?

– Кислородную маску. Я вспомнила, как передо мной возникла кислородная маска!

– И все?

– И все.

– Негусто. Эта газета четырехнедельной давности. – Он поднял на нее глаза. За сутки до того, как я нашел вас в на-

шем лесу в соседнем дачном массиве, в семидесяти километрах отсюда, разбился самолет. Какой-то спецрейс из Америки. Погибло 150 человек. Дефект корпуса. Людей собирали по кускам. Вроде бы нашли всех. Ни одного выжившего. Идет экспертиза. Много сгоревших, их будут опознавать генетики.

— Может быть, и я там была?

— Исключено. Самолет разбился слишком далеко отсюда. В таких катастрофах не выживают. И потом, я прекрасно помню, что вы болтались как груша на ветке дерева на лямках своего комбинезона так, как могут только специально подвесить, случайно так не зацепишься. Да и травмы у вас характерные скорее для побоев, чем для падений.

— И все-таки, откуда тогда эта маска в моей памяти?

— Наверное, когда-то в вашей жизни был неприятный момент, связанный с полетами. Но вы в нем выжили, и находитесь теперь здесь. Есть хотите?

— Нет, спасибо. Я устала.

— Ну, спите. Утро вечера мудренее. — Он потушил ночник и вышел из комнаты.

Холодная осенняя ночь. Тишина и темнота вокруг. Александр сидел на крыльце. Мохнатая псина уткнулась носом в его колени. Он чесал Пирата за ухом и смотрел в даль. Мысли его были заняты его неожиданной гостьей. Откуда она, кто она? Человек-призрак без прошлого. Может она преступница, которую так жестоко наказали ее же дружки, а может слу-

чайная жертва дорожных грабителей. Есть только ее предполагаемое имя. А может и правда, она выпала из того самолета? Даты совпадают, но...слишком много, но. Нужно достать список летевших тем самолетом. И отправить ее фото в полицию. Может ее ищут.

Он вернулся в дом. Здесь все было иначе, чем в его прошлой жизни. Там, в Москве в их большой квартире каждый вечер играла музыка, раздавался серебристый смех женщины, которую он любил больше жизни. Было чисто и уютно. Был лучший друг, с которым выросли вместе, вместе служили, вместе делили радость и горе, потом бизнес, а потом, как оказалось, и жену. В этом доме все, что можно было перевезти из их городской квартиры, даже расставлено почти так же, только нет больше ощущения радости и тепла. После такого чудовищного предательства он дал себе слово больше никогда не любить всем сердцем. И уж тем более, никогда не приводить в дом женщин. И вот, обещание нарушено. В его доме незнакомка, довольно симпатичная, как оказалось. Странная. И что делать дальше он совсем не знал.

Эля проснулась от громкого разговора за дверью:

- Бог с тобой, Василий, чем тебе Наталья-то помешала!
- Хамка, каких мало. Гони ее к чертям! Гони, Иваныч!
- Вася, она лучший зоотехник в районе.
- А я исполнительный директор.
- Да что ж вы как кошка с собакой.

— Она меня при всех парафинит всяко-разно. Я терпеть больше не намерен. Иваныч, или я, или она!

— Без ножа меня режешь, поехали на ферму. Там разберемся.

Хлопнула входная дверь. Эля поднялась с постели и подошла к окну. По двору широкими шагами к машине шел Александр. Рядом с ним семенил худощавый мужичок в костюме с папкой под мышкой. Забавная замшевая кепка на затылке совсем не вязалась с его внешним обликом. Оба сели в машину и понеслись по грунтовке в направлении фермы. Эля обернулась, и взгляд ее упал на большой пакет, стоявший около прикроватной тумбы. Она подошла поближе. В пакете были вещи. Много вещей. Она высыпала его содержимое на кровать. Блузоны, свитера, джинсы, кроссовки, мягкие сапожки-унты, даже колготки и белье! Краска бросилась ей в лицо. Было ощущение, что даже корни волос покраснели от стыда. Незнакомый мужчина купил для нее даже предметы гигиены. Наверное, это все он привез вчера из города. Она даже не успела поблагодарить его. Рядом с пакетом стояло большое зеркало, то самое, снятое из ванной комнаты. Эля устроила его на кровати и принялась примерять обновки. Все оказалось впору. Она остановилась на джинсах и сиреневом блузоне. Волосы подхватила заколкой на затылке. Она сама себе понравилась. Худенькая, изящная, еще бы немного косметики! Эля чувствовала себя гораздо лучше, чем вчера. Слабости не было, напротив, она ощущала

прилив энергии. Выпорхнув в коридор, она отправилась на разведку. Ведь она так толком нигде и не была.

Дом был большой, светлый, обставленный добротной мебелью и бытовой техникой, с большими окнами во всю стену, но очень запущенный. На первом этаже кроме комнаты, где была она и хозяйской спальни была еще гостиная и большая кухня-столовая. Большой обеденный стол на двенадцать персон. Красивые деревянные стулья с резьбой. Ручная работа. И гора посуды в раковине. Она открыла посудомоечную машину. Фу! Ну и запах! Посуды скопилось за месяц – не меньше. Из столовой вверх вела широкая пологая лестница с резными перилами. На втором этаже была бильярдная и несколько комнат, обставленных так же аскетично, как и ее комната. Встроенный шкаф, кровать и прикроватная тумба с ночником. Гостиница, да и только. Зато бильярдный стол был шикарным. Ему не меньше полутора сотен лет. Реставрировано только сукно. Уж в этом-то она знала толк! Стоп! Эля поймала себя на этой мысли. Откуда она могла знать толк в качестве мебели и бильярдного стола. Откуда она могла понимать, что та или иная вещь ручной работы. Откуда она могла разбираться в том, что стоит безумных денег, а что недорого. Значит, ее жизнь так или иначе была связана с этими понятиями. Какая же это мука каждый день пытаться вспомнить о себе хоть что-то. Не знать кто ты, какой ты человек. Она вдруг поймала себя на мысли что ей страшно. А вдруг она преступница? Вдруг совершила что-то страшное в

своей жизни. Лучше тогда ей совсем не знать ничего о себе. Она гнала от себя страшные мысли. Единственный выход – занять себя чем-то. И она быстро придумала чем.

Александр спешил домой. Время уже за полночь. Его гостя одна дома. Он даже поесть ей не приготовил – весь день улаживал конфликт на ферме. Что-то не ладное с Василием. Наталью весь поселок знал, как очень честную и прямолинейную женщину. Характер не сахар, но зато положиться на нее можно было во всем. С тех пор, как она пришла на его ферму ни одного больного животного. Все проверяет лично, лаборатория работает как часы. И вдруг такой конфликт с Василием. С чего бы это? И все молчат как партизаны. Василий толком не объясняет, в чем его Наталья обвиняет, хамка, мол, и все тут. Наталья вообще отказывается под его началом работать. Василий, бывший зампреда здесь колхоза, удачно разорившегося семь лет назад. Скользкий мужик, но хозяйственник хороший. Может чересчур хороший? Поди разберись в людях. Но сейчас ему самому, без Василия не справиться. Только два года он пытается фермерствовать. Все, что осталось от продажи остатков бизнеса и оплат кредиторам, было вложено сюда. Эти земли он выкупил на аукционе. Василий тоже пытался выкупить, да денег не хватило. Тогда Василий пошел к нему директором. Пока все шло гладко. И тут вдруг такой скандал. Александр поднялся на крыльцо дома. Пират кинулся ему навстречу и радостно

лизнул его щеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.